

И. И. ДМИТРИЕВ

РАСШАРКИВАЮЩЕЕСЯ ИСКУССТВО

(ПО ПОВОДУ ГОДИЧНОЙ ВЫСТАВКИ В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ)¹

[153]

[...] Одни только художники не имеют у нас на Руси никакой цели: ни сами они для себя, ни общество, ни совет Академии, ни бог весть кто, не выдумал для них до сих пор никакой определенной цели, к которой бы они могли приурочивать свою деятельность. Такое явление произошло вследствие крайней бессодержательности и положительной бесплодности деятельности наших российских художников. Ну к каким, например, результатам привела деятельность художников? Что выиграло общество и народ от того, что у нас сто лет существует Академия художеств и художники Академии, и что было бы, если бы их вовсе не было?

К нашим художникам может быть вполне отнесена пословица: *«Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан»*. Еще в городе они, пожалуй, до некоторой степени Богданы, в них чувствуется маленькая потребность, по крайней мере в тех из них, которым удалось составить себе известную репутацию, сделать карьеру. Остальным же, маленьким художникам, художникам непатентованным и в городах приходится уныло напевать конфетный стишок:

Ни знатен я, ни славен,— могу ли счастлив быть?

Ни ловок, ни забавен,— кого могу прельстить?..

С некоторого времени у нас мода на известных людей, а потому патентованным художникам довольно охотно открывают двери самых роскошных гостиных — и какой-нибудь разжиревший откупщик чувствует себя как нельзя лучше, если после обеда может подвести за руку патентованного художника к какому-нибудь крупному барину и сказать:

[154]

¹ «Искра». СПб, 1863, № 37, стр. 506— 511; № 38, стр. 529—530

—Поручаю благосклонному вниманию вашего превосходительства лучшее украшение российского художества г. Картошина: они картину столпотворения вавилонского написали... [...]

[...] Многие патентованные художники так увлекаются этими послеобеденными представлениями, что за основную цель своей деятельности принимают возможность поручать себя как можно чаще благосклонному вниманию различных бар. К этой заманчивой цели они направляют всю свою последующую деятельность; мысль эта ясно выражается в каждой картине, как бы ни был разнообразен ее сюжет: и в воинственной фигуре гусара, опирающегося на саблю, и в голенькой женщине в сладострастной неге,— во всем назойливо бросается в глаза основной мотив: *поручаю себя благосклонному вниманию вашего превосходительства, которое для меня дороже всего на свете...*

Таким образом, первоначальная инициатива со стороны самих художников хотя как-нибудь осмыслить свою деятельность была далеко неудачна: художество делалось знакомым прислуживанием и чиновничеством, какою-то по форме и далеко не бойко составленную докладной запиской, бесплоднейшим дельцем, состоящим из множества ничего не объясняющих рапортов, справок, отношений, сообщений и т. п. Тем не менее многие художники остановились на этом, считая свое служение совершенно законченным: они были довольны уже и тем, что сделались интересными личностями, что их картины покупались дорогою ценою и бестолково развешивались на стенах аристократических гостиных и галерей [...]. Художники были отуманены этим почетом, самодовольно остановились и начали с гордостью относить к себе стих поэта:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет *народная* тропа...

Но очевидно, что тропа к этим, часто шикозным памятникам, никогда даже не прокладывалась народом: народ не знал, да и знать не хотел этих служащих патентованных художников, Если еще в городе художники до

некоторой степени Богданы, то уж в селе они ни в коем случае не Селифаны.
Селифан

[155]

близок народу по духу и крови, он плоть от плоти его и кость от костей его, он солидарен с его потребностями и нуждами, он приносит пользу народу, потому что понимает, что польза народа — его польза, благо народа — его благо. А народ не имеет ни малейшей нужды в деятельности наших художников с таким характером, с каким до сих пор являлась эта деятельность. Мужичку надоели эти заигрывания различных бар с своими меньшими братьями, эти неумелые и оскорбительные ласки, эти бесконечные вариации на тему: «Ты, мужичок, глуп и в ничтожестве обретаешься, тяжка твоя доля и велик твой крест, так вот я хочу облегчить твою горе, хочу познакомить тебя с нежными и сладкими чувствами, а ты, сиволапый, понимай, какую я великую жертву приношу тебе...»

А того не понимают, да и понять не хотят, что человеку сначала надо дать кусок хлеба, надо дать ему поесть, а не вести его, положим хоть, в балет и попросить быть сытым от созерцания, как танцовщицы ловко умеют стоять на одной ножке, а другою выделявают в воздухе различные вензеля. [...]

Но даже подобные пресловутые тенденции, прогрессивные сравнительно с прежними уже потому, что выражали собою неудачную попытку сделать искусство полезным делом, а не бездельничаньем, разделялись немногими художниками. [...]

Большая же часть художников до сих пор остается при старинных, от предков унаследованных воззрениях на искусство и на значение художественной деятельности, то есть что искусство должно составлять высшие эстетические наслаждения людям знатным и богатым, имеющим возможность покупать произведения искусства. Вследствие этого искусство должно быть скромно, перед старшими почтительно, сильным покорно, и так как ‘de gustibus non est disputandum’², и стремления искусства должны быть главным образом направлены на то, чтобы подделываться под вкус этих ценителей и судей, какого бы ни был подозрительного свойства этот вкус. Таким образом, предлагается и

² О вкусах не спорят (лат.).

даже вменяется: опоэтизировать мотивы самого предосудительного свойства, если это только может нравиться старшим,

[156]

главным образом откупщикам, как самым *драгоценным* покупателям; избегать изображения явлений, могущих навести на размышления о вреде цивилизованного кулачного права, о непрочности незаслуженного благоденствия и ни на чем не опирающейся силы. Но главным образом художник должен на всевозможные лады прислушиваться, приглядываться и принохиваться к тем явлениям, на которых останавливается просвещенное мнение ценителей и судей в данную минуту, и рефлексировать в своих произведениях их чувствования и симпатии; возводя всеконечно то и другое в перл создания...

[...] Потребовали ценители и судьи, чтобы художники внесли новую струю в свои произведения, чтобы эта струя несколько расшевеливала оступевшие чувства, заставляла умиляться, заставляла чему-нибудь сочувствовать и проливать драгоценные, но в то же время гроша медного не стоящие слезы. Художники, как и следовало ожидать, выслушали это предложение с искренним высокопочтанием и таковою же преданностью и со всеусердием начали рисовать картинки с изображением бедствий и печалей человеческих, но таких бедствий и таких печалей, которые не могли вызвать энергический протест и негодование, а заставляли только сердца таять от наиприятнейшего соболезнования. Отсюда целый ряд картин, изображающих горе кротких пейзажей от нищеты и лености, бедствие чиновничества от пьянства, голод пролетариев от неспособности к неукоснительному продолжению государственной службы и повиновению начальству... Рисовались трогательные виды смерти человеческой исключительно от простуды и небрежности относительно галош и фланелевых фуфаяк, рисовалось бездолье и другие напасти. Словом — рисовались довольно разнообразные виды горя, печали и бездолья людского, но рисовались они как-то уж чересчур приторно, слишком по-конфетному, так, что делалось скверно смотреть на этих бедствующих бездольных горюнов. [...]

[...] Является и сатира, но сатира безобидная, благонамеренная сатира, которая не конкурировала бы с полицейской властью по части искоренения различных плевел, а, напротив, дружно подала бы руку полицейской власти и, проникнувшись все-

[157]

цело созерцанием будочников и квартальных надзирателей, начала бы угнетать как маленьких воришек, так и больших. Сатира не должна быть отрицанием пошлостей и вздора, в какой бы общественной сфере ни являлись и эта пошлость и этот вздор; сатира — это не больше как остроумная и безобидная шуточка остроумного и благонамеренного господина; она должна выставлять в смешном виде крошечные недостатки крошечных людей, от станowego пристава и отчасти до городничего: дальше *вход за кулисы строжайше запрещается*. И запрещается этот вход потому, что за становым приставом и городничим начинаются уже ценители и судьи художественных произведений, т. е. покупщики картин. Становые и городничие картин не покупают, а если и купят, то разве только лубочную грошовую картинку с изображением прекрасной жены Пептефрия, кривоносых и полногрудых серальских жен или сатиры на секретаря уездного суда и стряпчего. А как хотите, неприятно откупщику, например, купить за довольно дорогую цену картину, в которой ясно доказывается вред пьянства и зла от систематического отравления православного люда питиями, уснажденными самыми вредными специями. На такую геройскую покупку решится не всякий; иначе выйдет, что не только язык мой — враг мой, но и деньги мои — враги мои. [...]

[...] Но, по приказанию ценителей и судей, сатира не должна выходить за пределы безобидной шуточки, и сатира не выходит из этого предела; а если иногда и рискнет, то и бывает ей стыдно. Вследствие этого, конечно, так быстро исчезла в прошлом году из залы академической выставки одна картина³, и мы вполне понимаем разумное неудовольствие заседающих в академическом совете. К чему эти желчные, негодующие сатиры, когда сама жизнь на каждом шагу угощает нас печалью и негодованием? Авось как-нибудь стерпится-слю-

³ Очевидно, речь идет о картине В. Г. Перова «Сельский крестный ход на пасхе» (1861).

бится?..

Потому же, вероятно, как мы слышали, не попала на лондонскую всемирную выставку прекрасная картина г. Корзухина,

[158]

хотя и выставлена в списке посланных туда «предметов искусства»: к чему выставлять на показ европейцам наши скверности и язвы? Пусть лучше думают, что у нас везде тишь, да гладь, да божья благодать... Зачем посылать изображение *«пьяного отца — русской семьи»*, когда у нас есть множество других сюжетов и мы могли послать на всемирную выставку и послали: *«портрет персидского шаха, портрет английской лошади и т. д.»*?

И вот вам искусство и его деятели. Спрашивается: какую пользу принесло обществу и народу это искусство, редко выходящее за пределы умения правильно расставлять глаза, уши и носы? что выиграл российский народ от того, что у нас сто лет существует Академия художеств? Где можно отыскать хотя крошечные полезные результативки или даже хотя намеки на эти крошечные полезные результативки, внесенные в жизнь нашим искусством?..

Ответ отрицательный. Искусство не принесло никакой пользы народу, не дало никакого содержания, потому что само было в высшей степени бессодержательно, не внесло никакого жизненно-образовательного элемента. С первого же времени оно сделалось у нас забавою для людей знатных и богатых и до сих пор остается забавою: это не дело, не насущная наша потребность, а только вредное бездельничанье... И до тех пор останутся за искусством все эти непривлекательные стороны, пока оно не станет наконец на прямую и честную дорогу, пока не сбросит эти подкуривания и это безделье. Искусство должно быть благом народа, потребностью народа, а этих результатов оно, очевидно, не достигнет своими бесполезными, старинными замашками.

А то задались себе художники целью — услаждать человечество, да и знай только услаждают. [...]

А вы бы, художники, лучше людям дело давали, уму-разуму их учили, на путь истинный наставляли. Главное же: идеек побольше, идеек да вопросцев разных, занимающих умы людей солидных и праздности не предающихся. Доказывайте вы нам в своих произведениях, что пауки полезны, что труд полезен, что терпение полезно, что прилежание полезно, одним словом,

[159]

все, что ни есть на свете, все это полезно; — ну и скажем мы вам тогда, что вы делом занимаетесь, а не бездельничаете.

В настоящем же своем виде оно, это искусство, так же нужно народу, как «пятая спица в колеснице». Потребность его для народа может быть доказана только разве такого рода силлогизмом: народу нужны церкви, церквям нужны иконы, для написания икон нужны художники; ergo⁴ — деятельность художников необходима для народа. Вот почему у народа нет даже никаких других представлений о деятельности художников, кроме написания икон.

Вследствие этого, то есть что искусство в настоящем своем виде не составляет потребности народа, редко где можно найти таких отчаянных бедняков, таких полнейших пролетариев, как между нашими художниками. За исключением патентованных художников остальные населяют самые мрачные и сырые конуры на чердаках и в подвалах петербургской столицы и буквально сидят на пище св. Антония, то есть на куске черного хлеба с незначительной приправою копеечного студня. Да и это еще незатейливое благоденствие доступно не каждому: иные положительно умирают медленно голодною смертью, утоляя голод в два, три дня раз. [...]

[...] Считаю нужным заметить, что, говоря об успехах российского искусства, мы имели в виду собственно только те идеи, которые выражало собою это искусство. Нет никакого сомнения, что русские художники оказывали значительные успехи в технике и умении рисовать, что произведения их отличались часто искусною группировкою, мастерским колоритом, ловким освещением и т. п. Но в наших глазах собственно самую-то серьезную важность имеют основные мотивы художественных произведений и те идеи, которые в них выражаются.

С этой точки зрения мы намерены взглянуть на настоящую годовичную выставку в Академии художеств, представляя людям, более нас знающим и компетентным, трактовать о колоритах, о грации кисти и т. п. По нашему же мнению, и эта грация кисти, и эта смелость кисти, и все остальные прелести гроша мед-

⁴ Следовательно (*лат.*).

[160]

ного не стоят, если их употребляют только для того, чтобы нарисовать, как

Антон козу водит,

Антон погоняет,

Антон хорошенький,

Антон пригоженький и т. д.

[...] Итак, настоящая годичная выставка в Академии художеств приводит к соображениям, до крайности неутешительным. [...] Прежде искусство расшаркивалось перед откупщиками, перед людьми знатными и богатыми во имя каких-то темных принципов, во имя пользы: теперь является расшаркиванье из любви к искусству, *расшаркиванье для расшаркиванья*; потому что оно, как ржавчина, въелось в самую плоть и кровь искусства, как неизбежный его предикат. [...]

Но это общее впечатление, производимое настоящей годичной выставкой, совершенно исчезает, когда вы останавливаетесь перед картиною господина Ге⁵. К этой картине совершенно неприменимы эпитеты прекрасной, изящной, превосходной и т. п. Это просто дельная картина, честный и талантливый труд честного и талантливого художника. Вдаваться здесь в подробный анализ достоинств картины г. Ге и предсказывать то громадное значение, которое будет по справедливости принадлежать ей в деле разумного развития нашего искусства, мы находим в этой статье не совсем уместным; а раздражаться болтливými, риторическими панегириками — оскорбительным для художника. Картина г. Ге убеждает нас, что мы вовсе не вдавались в утопию и мечтательность, указывая искусству его настоящее значение и требуя, чтобы искусство перестало нас только услаждать одними вздорными сладостями, чтобы оно, сбросив подкуриванья и расшаркиванье, стало на прямую и честную дорогу, и сделалось благом народа, потребностью народа. [...]

⁵ Картина Н.Н. Ге «Тайная вечеря» (1863).